

Түйіндеме

Профессор С.А.Қолдыбаеваның кітабы А.Байтұрсынова атындағы кгу басылған баспаханаларда соңғы жылдардың Қостанайдың зияткерлік өміріндегі өзі қызықты оқиғалары бірді көреді. Автор және публицистиканың іздеулерінің көп жылдық тек қана ғылымыларын өзіндік балқыма жұмыстың өздің тақырыбы, ұсынатын өзіменмен енді, соңғы он жылдықтардың отандық тарихының оқиғаларының үстінде ойлануға тырысқан алмайды.

Conclusion

Printed in the printing-house of KGU the name of A.Baytursynova the book of professor Koldybaeva s.A. is seen one of interesting events in intellectual life of Kostanaya of the last years. Already the theme of work, being an original alloy of long-term especially scientific researches of author and publicism, comes into any notice, who tries to reflect above the events of domestic history of the last decades.

ИСТОКИ ВОЕННОГО ДЕЛА КОЧЕВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

Балгабаева Г.З.

При анализе истоков военного дела кочевых народов Евразии большинство исследователей подчеркивает роль охоты, особенно, облавной охоты, для зарождения военного искусства. Так, В.Н. Кун предполагал, что кочевому скотоводству «предшествовало непрерывное следование охотников за стадами животных» [1;20]. Выдвинута также гипотеза о происхождении кочевого скотоводства у подвижных (бродячих) охотничьих народов, населявших в эпоху бронзы районы Евразии, сопредельные с лесостепными и аридными территориями, заселенными оседлыми земледельцами-скотоводами. Предки бедуинов заимствовали вначале ослов, затем верблюдов; предки степных кочевников Евразии – вначале лошадей, затем мелкий и крупный рогатый скот [2].

Роль охоты, как особой ступени на пути перехода к кочевому образу жизни, подчеркивает Н.Э. Масанов [3;35-37]. Один из современных исследователей военного дела кочевников, А.К. Кушкumbaев считает, что «в становлении и эволюции военного искусства кочевников...ведущее значение имели способы, приемы и методы облавной охоты» [4;43].

Известный казахстанский исследователь К.А. Акишев считал, что ряд технических новшеств, таких как создание искусственных водоемов (колодцев), верховой езды, появились на территории

Казахстана уже в XIV-XI вв. до н.э., т.е. в период развитой бронзы [5;44]. Уже в IX-VIII вв. до н.э. в Центральном и Юго-Восточном Казахстане осуществляется переход к кочевому хозяйству, когда «складывается круглогодичное кочевание и окончательно сложилась система последнего распределения пастбищ и водных источников» [5;45]. В то же время, традиции комплексного хозяйства продолжались. Е.Е. Кузьмин отмечает, что 1 тыс. до н.э. «в степях идет интенсивный поиск наиболее прогрессивных форм, соответствующих определенным экологическим нишам. Появление больших поселений..., огромных многокамерных домов..., разнообразие типов и высокий КПД серпов и их массовое производство... указывает на переход части населения степей к более интенсивному хлебопашеству» [6;92]. Своеобразный хозяйственно-культурный тип, сочетавший полукочевые и полуоседлые формы скотоводства сложился в Северном Казахстане [7].

Как мы видим, кочевое скотоводческое хозяйство сформировалось не на базе охоты, а на базе комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства эпохи бронзы. Теория генетической взаимосвязи охоты и кочевничества является умозрительной и опровергается всеми историческими фактами. Другое дело, что с появлением и развитием кочевничества охота, особенно облавная ее фор-

ма, стали играть значительную роль в хозяйстве скотоводов, как для освобождения экологической ниши от диких животных, так и для добычи дополнительных пищевых ресурсов. Из сказанного следует, что и военное дело кочевников, несомненно, испытывая огромное влияние охоты, сложилось, тем не менее, на базе военного искусства племен эпохи бронзы. Можно сказать, что военное дело оседлых индоарийских племен Казахстана под воздействием кочевого хозяйства и характерной для него традиции облавных охот трансформировалось в своеобразную систему военно-политических институтов, элементов материальной и духовной культуры, называемых нами «военное искусство кочевников».

Важным новшеством, оказавшим решающее влияние на развитие военного дела, стало освоение верховой езды. На ряде поселений Казахстана, датируемых XIV-XI вв. до н.э. регистрируются находки костяных псалиев – элементов конской узды. Достаточно ранее использование лошади для верховой езды характерно для срубной культуры Поволжья и Приуралья. Так, в ряде могильников фиксируются захоронения коней вместе с человеком [8;214-217]. Специальная работа, посвященная анализу археологических данных о бытовании верховой езды в Поволжье, Приуралье и Казахстане, опубликована К.Ф. Смирновым в 1961 году [9]. К.Акишев определил раннюю границу бытования псалиев на территории Казахстана XIV-XII вв. до н.э. [10;54-55]. Факт бытования верховой езды фиксируется и в «Авесте», где в одном из гимнов, посвященных Митре, говорится, что «ему молятся воины, сидящие на крупах своих коней» [11;34].

С переходом к кочевому хозяйству верховая езда становится массовой, что было вызвано необходимостью большей мобильности большинства населения. Вместе с тем меняется и структура общества. Если раньше верхушку социума, ее элиту составляли воины-колесничие, то теперь ее заменяет массовая конница. Происходит стирание границ меж-

ду сословиями, перераспределение социальных функций, что не могло пройти безболезненно. Именно на период XI-XIII вв. до н.э. приходится большая часть миграций населения, военно-политическая активность, полное изменение этнодемографической карты степной Евразии.

Значительное влияние верховая езда оказала и на тактику ведения боя, и на комплекс вооружения. Впервые у степняков получают распространение мечи и массовая конная атака, совершенствуется оружие дистанционного боя. Население степей начинает доминировать в военном отношении над своими оседлыми соседями, что привело к первым крупным вторжениям кочевников в древние государства Средиземноморья, Передней Азии и Дальнего Востока.

Ряд авторов считают, что именно возникновение и распространение кочевого скотоводства в Евразии и Северной Африке предопределило опережающие темпы развития данных регионов по сравнению с Тропической Африкой и Новым Светом. «Не вызывает сомнений позитивные последствия таких аспектов мирной активности кочевников, как освоение степей и общественное разделение труда, развитие межконтинентальных торговых связей и посредничество в культурном обмене. Можно думать, что возникновение не только скотоводства, но и его широко распространенного в древности и в средние века кочевого типа явилось одной из причин исторического опережения Старым Светом Нового Света, а Северной Африкой Тропической Африки», отмечают авторы работы по истории военного дела у первобытных и раннеклассовых народов [12;230].

Вообще, проблема взаимоотношений кочевых и оседлых народов – одна из наиболее дискутируемых в литературе. Подавляющее большинство авторов, исходит из изначальной воинственности и агрессивности кочевников. Наиболее обще данная точка зрения выражена Гегелем: «Они внезапно, как опустошительный поток, нападают на культурные страны, и вызываемый ими переворот не при-

водит ни к каким результатам, кроме разорения и опустошения; Такие движения народов происходили под предводительством Чингисхана и Тамерлана: они все растапывали, а затем опять исчезали, как сбегает опустошительный лесной поток, так как в нем нет подлинного жизненного начала» [13;85]. В. В. Григорьев, предприняв специальный обзор отношений между кочевыми народами и оседлыми государствами, пришел к выводу, что в этих отношениях преобладали, если не кочевнические завоевания, то борьба, в которой «кочевники постоянно являются достигающими своей цели – дарового приобретения произведений оседлого труда» [14;1].

Противоположная точка зрения была предложена В. В. Бартольдом, который, пересматривая одностороннюю трактовку монгольских завоеваний, как только варварского нашествия, отметил значение империи Чингисидов для развития торговли и укрепления культурных связей между Востоком и Западом, т. е. в конечном счете, для исторического прогресса [15;461 - 462].

Выдающийся казахстанский историк А. Х. Маргулан, возражая тем, кто видит в кочевниках степных хищников, отмечает, что их в свою очередь грабили правители земледельческих государств [16;6-7]. В. А. Ахмедов также подчеркивает, что правители оседлых областей не отставали в этом отношении от кочевнических правителей [17;82], а по мнению А. А. Рослякова, «в обстановке непрерывной пограничной войны невозможно было определить, кто «просто» напал, а кто совершая «ответный» набег» [18;42]. Еще дальше идет Р. Б. Сулейменов, когда он протестуя против «дискриминационного» отношения к кочевникам, утверждает, что во взаимоотношениях номадов с оседлыми преобладали не войны, а добрососедские отношения, а если время от времени и возникали войны, то они вызывались экспансионистскими устремлениями как тех, так и других [19;98, 100].

Вместе с тем, следует признать, что в период складывания номадного произ-

водства кочевники, ограниченные эколого-экономической базой не могли не воспользоваться своим военно-политическим преимуществом и не пытаться решить возникшие внутренние противоречия за счет соседей.

В этнологической литературе уже привлекалось внимание к тем или иным факторам войны в скотоводческом мире. Имеются и отдельные классификации таких факторов. Одна из последних и наиболее полных принадлежит английскому исследователю Дж. Флетчеру, который выделяет следующие причины военной деятельности кочевников:

- 1) алчность и хищническая природа номадов;
- 2) высыхание степи;
- 3) перенаселение;
- 4) разрыв торговых связей с оседлыми земледельцами;
- 5) потребность номадов в пополнении своих скудных жизненных ресурсов земледельческой продукцией;
- 6) стремление кочевой верхушки к созданию надплеменных политических образований;
- 7) престижные и идеологические соображения [20].

Как мы увидим дальше, многие из перечисленных здесь факторов обоснованны, но в целом этот перечень представляется недостаточно систематизированным. В частности, алчность или идеологические соображения всегда сопрягались с другими, более глубокими мотивами, а разрыв торговых связей и потребность в недостающей продукции – едва ли не одно и то же.

А.Першицем были предложены другая классификация факторов, вызывающих военную активность у кочевников:

1) Личная и групповая безопасность. Кочевническая специфика состояла в том, что в условиях рассредоточения номадов на широких пространствах степей и пустынь и замедленного складывания политической организации приходилось больше рассчитывать на собственные силы и солидарность близких. Соответственно на этой почве постоянно возникали воору-

женные конфликты, из индивидуальных часто перераставшие в коллективные. Наиболее острые из них принимали характер кровной, или родовой, мести.

2) Движимое имущество. Чаще всего объектом военных столкновений у кочевых скотоводов было их основное имущество – скот. Скот отчуждается настолько легко, а причины поправить свои дела за счет чужих стад настолько многочисленны, что взаимный грабеж скота у номадов считался самым обычным и естественным делом.

3) Земельные владения. Земельными владениями кочевников были пастбища с расположенными на них водными источниками, а нередко также обрабатываемые земли и караванные пути. Все это могло быть объектом, как военных действий, так и мирных контактов кочевых племен между собой и с их оседлыми соседями. Там, где через земли кочевников проходили караванные пути, именно они могли стать главным яблоком раздора между племенами или между кочевыми и оседлыми правителями.

4) Политическая гегемония. Одним из важнейших факторов войны или мира почти всегда была политическая гегемония в регионе. Кочевники боролись за нее как с другими кочевниками, так и с оседлым населением; последнее, в свою очередь, стремилось подчинить себе кочевников [21; 167-176].

Первая волна передвижений кочевых племен приходится на XII-X вв. до н.э., когда протохуннские племена перешли пустыню Гоби и сформировали на территории Центральной Азии карасукскую культуру [22; 114]. В IX-VIII вв. карасукцы доходят до Центрального Казахстана, где совместно с местными андроновскими племенами формируют бегазыдандыбаевскую культуру, вполне кочевую по облику. С движением карасукцев связаны такие новшества в военном деле, как появление особого типа длинных боевых ножей, кинжалы с шипами на месте перекрестия.

С началом периода интенсивного увлажнения степной зоны Евразии в X-IX

вв. до н.э. начинается вторая волна миграций кочевых племен. Значительную роль в этом процессе сыграло освоение степняками плавки железа. Этот металл обладал целым рядом свойств, выгодно отличающих его от бронзы. Во-первых, железные изделия были гибкими и при ударе не ломались, как хрупкая бронза, а гнулись. В то же время, железо было достаточно твердым. Во-вторых, железо, в различных соединениях, было шире распространено в природе, а значит более доступно, чем медь и олово.

Вместе с тем, на территории Казахстана бронзы еще долго использовалась наряду с железом для изготовления различных видов оружия, что было обусловлено богатыми и доступными для освоения залежами меди и олова. Вместе с тем, в литературе существует и другая точка зрения. Так, изучая оружие пазырыкской культуры Горного Алтая, В.Кубарев приходит к заключению, что население скифского времени пользовалось железным оружием, а наличие в захоронениях бронзовых экземпляров он объясняет ритуальными мотивами. «В Горном Алтае уже в VI-V вв. до н. э. из железа изготавливались некоторые предметы быта (удила, ножи) и повсеместно боевое оружие (кинжалы, чеканы и секиры). И только модели оружия были бронзовыми и даже деревянными [23].

Здесь, вероятно, сказываются различные возможности материалов, из которых были изготовлены модели. Унаследовав древнюю алтайскую традицию резьбы по дереву, горноалтайские мастера достигли совершенства не только в изобразительном искусстве, но и в достоверных имитациях различного оружия. Поэтому, очевидно, у деревянных моделей выдержаны размеры и пропорции настоящих кинжалов.

Изменения климата, повлекшие за собой интенсивное перераспределение пастбищных угодий, переход к более подвижному образу жизни привели к учащению военных столкновений между кочевыми племенами и вытеснению части степняков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кун В.Н. Черты военной организации средневековых кочевых народов Средней Азии// Ученые записки Ташкентского педагогического института им. Низами. Сер.общ.наук, вып.2. – Ташкент, 1947.
2. Вайнштейн С. И. Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии. – М.: Наука, 1973.
3. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов, Алматы, М., Горизонт, 1995.
4. Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII–XVIII веках, Алматы., Дайк-Пресс, 2001.
5. Акишев К.А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана// Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1972.
6. Кузьмин Е.Е. Экология степей Евразии и проблема происхождения номадизма. Возникновение кочевого скотоводства// Вестник древней истории, № 1. 1977.
7. Корякова Л.Н., А.С. Некоторые вопросы хозяйственной деятельности племен саргатской культуры// Становление и развитие производящего хозяйства на Урале, – Свердловск, 1989.
8. Смирнов К.Ф. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье// Советская археология, 1957.
9. Смирнов К.Ф. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей// Советская археология, №1, 1961.
10. Акишев К.А. Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре// Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1973.
11. Литература Древнего Востока. Иран, Индия, Китай (тексты). Авторы – составители Ю.М.Алиханова, В.Б.Никитина, Л.Е.Померанцева. М., Изд-во Московского университета, 1984.
12. Першиц А. И., Ю. И. Семенов, В. А. Шнирельман. Война и мир в ранней истории человечества. В двух томах, Т.2.М., Институт научной информации по общественным наукам Российской Академии наук. 1994.
13. Гегель. Философия истории // Соч. Т. 8. М., – Л., 1935.
14. Григорьев В.В. Об отношении между кочевыми народами и оседлыми государствами //Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 178. № 3-4., 1875.
15. Бартольд В. В. Сочинения. М., Изд-во АН СССР 1963, Т.1.
16. Маргулан А.С. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. – Алма-Ата, 1950.
17. Ахмедов В.Л. Государство кочевых узбеков. М., 1965.
18. Росляков А.Л. Аламань // Советская этнография, 1955, № 2.
19. Сулейменов Р. В. Формационная природа кочевого общества: Проблема и метод // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата, 1989.
20. Fletcher J. 1986. The Mongols: Ecological and Sosial Perspectives// Harvard Journal of Asiatic Studies. V. 46.
21. Першиц А. И. Война и мир на пороге цивилизации. Кочевые скотоводы// Война и мир в ранней истории человечества. В двух томах. Том 2. – М., Институт научной информации по общественным наукам Российской Академии наук, 1994. – 245 с.
22. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири, – М.: Изд-во АН СССР, 1951.
23. Кубарев В.Д. Кинжалы из Горного Алтая//Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981.

Түйіндеме

Көшпелі мал шаруашылығының пайда болуы далалық Еуразия аумағындағы әскери істің дамуына түбегейлі өзгеріс әкелген кезең болды. Қола дәуірінде-ақ пайда болған атты әскер жалтылық сипатқа ие болып, негізгі әскери күшке айналды. Қару жасауда темірді пайдалану негізін садақ пен жебе құраған қаруланудың жаңаша түрінің қалыптасуына әкелді. Бұған қоса, қорғаныс және шабуыл мақсатындағы ауыр қарулар пайда болады. Осыған сәйкес, жаппай садақпен оқ жаудыру, атты әскермен тұтқиылдан соққы беру және жаяу әскерлердің арасындағы қоян-қолтық айқаста қылыштану немесе найзаласу секілді үш түрлі құрамдас ұрыс тәсілдері пайда болады.

Conclusion

The appearance of the nomadic cattle – breeding became a crucial moment in the development of military art on the territory of steppe Eurasia. Horse riding which appeared at the age of bronze becomes massy; cavalry turns into the basis of troops. The application of iron for making weapons led to the formation of the new complex of arms the

basis of which was constituted be a bow with arrows. Besides, heavy defending and attacking weapons appear. According to this the tactics of battle is formed and it consists of three components - massy shooting from bows, attack by the horses and battle with swords and knives, the last stage, by the way, was carried out by the warriors on the ground.

НАУКА И ПРОИЗВОДСТВО

Скрынский И.М.

Для реализации амбициозного плана – вхождения нашей страны в число пятидесяти наиболее развитых стран мира – необходимо в кратчайшие сроки решить ряд проблем. Одной из таких, по нашему мнению, является ускорение научно-технического прогресса.

Характерной чертой нашего времени является то, что высокоразвитые страны мира из традиционно индустриальных трансформируются в постиндустриальные. Экономики ведущих стран развиваются на основе достижений научных знаний, на основе высокоразвитых технологий. Без пристального внимания к научно-техническому прогрессу вряд ли страна сможет успешно решать социальные проблемы, поддерживать на должном уровне военный потенциал. Появятся трудности с эффективным освоением нашего пространства, с формированием привлекательного образа страны, уверенно идущей по пути прогресса. Как отметил Президент Республики Казахстан на заседании Совета по науке и научной политике, состоявшемся в Аккорде в начале сентября текущего года: «Страна, в приоритетах которой наука и инновации на втором месте, не будет первой ни в одной сфере».

В 50-х годах прошлого столетия началась вторая промышленная революция, целиком обязанная достижениям науки. Сейчас она еще только набирает скорость, и даже ее ближайшие последствия трудно предвидеть заранее. Наука стала непосредственной производительной силой – эта мысль, получившая теперь ши-

рое признание, часто высказывается в печатных трудах и выступлениях. С другой стороны, она не может развиваться без развития промышленного производства и становится делом все более дорогостоящим. Современное производство требует не только использования голых рецептов науки, но и внедрения научного исследования и научного подхода во все свои звенья. Оно все более начинает походить на науку. В то же время наука, втягивая в себя значительную часть человеческих и материальных ресурсов общества, становясь массовой регулируемой деятельностью, приобретает черты производства. Наука и производство срастаются в единую иерархическую систему. Меняется сам облик научно-исследовательских центров, которые благодаря своему техническому оснащению и большому числу занятых работников приближаются к крупным промышленным предприятиям и в отдельных случаях даже превосходят их. Лаборатории оснащаются всё более и более мощными средствами и, по крайней мере, в богатых и высокоразвитых странах, превращаются в настоящие заводы. В лабораториях и институтах, в состав которых они входят, работа выполняется часто коллективами, объединяющими экспериментаторов, теоретиков и даже инженеров и техников.

В результате индустриализации науки меняется во многих отношениях и характер труда учёных, которые часто сталкиваются с необходимостью знать соответствующую технику и уметь ею пользоваться.